

Екатерина
Неволина

Похитители древностей

Зов Морского царя

Москва
T8 RUGRAM
2021

УДК 82-31
ББК 84(2Рос-Рус)
Н40

Неволина, Е.А.

Н40 Похитители древностей. Зов Морского царя / Е.А. Неволина. — М. : Т8 Издательские технологии / RUGRAM, 2021. — 264 с. — (Проза Екатерины Неволиной).

ISBN 978-5-517-03252-2

Много сокровищ у Морского царя, но самое ценное из них — волшебные гусли, способные очаровать любого, кто только услышит их мелодичный звук. Но однажды земной человек, обманом проникший в подводные владения, похитил гусли и... исчез.

Отыскать эти гусли предстоит отважным охотником за артефактами. Дело само по себе непростое, к тому же Дина точно знает, что пришло время открыть друзьям тайну, удерживать которую она больше не в силах. Вот только ли встанет команда на ее сторону?..

УДК 82-31
ББК 84 (2Рос=Рус)
BIC FC
BISAC FIC000000

ISBN 978-5-517-03252-2

© Неволина Е.А., 2021
© Т8 RUGRAM, оформление, 2021
© Т8 Издательские технологии, 2021

-Ты действительно меня любишь?

Девушка с волосами светлыми, как пронизанные лучами летнего солнца струи ручья, заглянула в глаза высокому темноволосому человеку с немного резким, но, безусловно, красивым и породистым лицом.

— А у тебя есть повод сомневаться? — он взял ее за тонкую руку с белой, очень тонкой, почти прозрачной кожей.

Зал, где они стояли, был воистину прекрасен. Со всех сторон поднимались спиральные колонны из розового мрамора, по потолку шла искусная роспись, изображающая зеленый луг и гуляющих по нему людей в пышных венках, стены опоясывали выполненные из отливавшего голубым и розовым перламутра мозаики, изображавшие дельфинов. В общем, зал поражал воображение своей величием и, вместе с тем, изяществом. В нем имелась только одна странность — полное отсутствие окон.

— Ты сомневаешься во мне? — повторил вопрос темноволосый.

Девушка улыбнулась.

— Нет. Если бы я сомневалась, то разве пригласила бы тебя сюда? Разве усыпила бы отца и открыла сокровищницу, чтобы показать тебе богатства?

— Вот видишь, моя прелесть, — мужчина по-хозяйски запустил пальцы в роскошные волосы девушки и, слегка запрокинув ее голову, коснулся губ мимолетным поцелу-

ем. — Ты чудесное дитя, мне было с тобой хорошо и даже немного жаль, что наше время вышло.

— То есть как вышло? — темно-синие, как глубины океана, глаза девушки широко распахнулись.

— Ничего личного, — сказал мужчина и вдруг резким движением всадил нож красавице в грудь.

Девушка недоуменно посмотрела на расплывающееся на тонкой голубой ткани некрасивое кровавое пятно. Ее губы полуоткрылись в немом вопросе.

— Нож заговоренный. Мне жаль тебя огорчать, но ты все же умрешь, — темноволосый выпустил свою жертву из объятий.

Красавица покачнулась. Она пыталась что-то сказать, но на губах выступила кровь. Несчастная задышала часто-часто, а потом медленно опустилась на мозаичный пол. Ее тонкая рука, униженная изящными золотыми браслетами, в последнем усилии схватилась за ручку ножа, но жизнь уже стремительно уходила из этого прекрасного тела.

Мужчина молча дождался, пока все закончится, затем наклонился и закрыл все еще удивленные глаза. Пора приниматься за дело.

Аккуратно обойдя мертвое тело, он подошел к двери сокровищницы и на миг остановился, ослепленный ее блеском. Чего там только не было! И редчайшие золотые чаши, украшенные драгоценной чеканкой старых мастеров и умело ограненными камнями, каждый из которых стоил целое состояние... И античные черноузорные амфоры, попавшие сюда прямиком с триер¹... И иконы в драгоценных окладах, написанные в первые века хри-

¹ Триера — древнегреческое судно, которым управляли гребцы, сидящие в три ряда.

стианства, когда распятый бог только-только начинал свой триумфальный путь по земле. А уж украшений, золотых и серебряных монет самых разных времен и народов и вовсе не счесть!

При виде этого богатства можно было сойти с ума или продать душу самому морскому черту, но у убийцы были свои интересы.

Войдя в сокровищницу, он медленно обошел россыпи золотых монет и самоцветов, миновал античные сосуды и драгоценные чаши. Даже иконы и кадила, украшенные рубинами, похожими на капли крови, не привлекли его взгляд дольше чем на несколько секунд.

Он прошел уже большую часть сводчатой залы, когда, похоже, наконец, нашел то, что ему было нужно — простые деревянные гусли, казавшиеся неуместными среди прочего великолепия.

Мужчина, почти не глядя, взял из кипы драгоценных тканей затканый золотым шитьем кусок бархата, бережно завернув в него гусли, спрятал себе за пазуху и с этой ношей вышел из сокровищницы.

Взглянув на стоявшие на мраморном столике песочные часы, в верхней части которых осталось совсем немного песка, мужчина покачал головой и, ускорив шаг, двинулся к выходу.

Небольшая тайная дверца, скрытая в нише одной из стен, вывела его наружу. Теперь становилось понятным, почему в зале отсутствовали окна: сразу за стенами дворца было море, вернее даже: сам дворец находился на морском дне, и рядом с ним, вместо розового куста, располагалась целая колония пышных водорослей, среди которых резво сновали причудливые разноцветные рыбки. Это казалось таким красивым, что не залюбо-

ваться ими было невозможно. Но темноволосый не потерял на них ни единой секунды. Оттолкнувшись от дна, он быстро заработал руками и ногами, изо всех сил плывя к поверхности.

Долог оказался путь наверх из самых толщ морской пучины, но, наконец, мужчина вынырнул. Силы его были на исходе.

Какое-то время он жадно вдыхал соленый морской воздух под небом, подсвеченным огромными звездами, с любопытством вззирающими на него с высоты, а потом поплыл к едва различимому берегу. Он успел выбраться наружу до истечения действия заклятия, позволяющего дышать под водой, но еще не все испытания остались позади. Нужно успеть. Нужно унести драгоценную добычу.

Наконец, ноги нащупали дно. Это придало беглецу уверенности. Можно считать, победа остается за ним. Рассекая грудью воду, он двинулся к берегу. Оставалось буквально пара шагов, когда за его спиной послышался все нарастающий рокот.

Мужчина оглянулся. В море, пока что далеко от него, поднималась в небо огромная волна, казавшаяся угольно-черной на фоне ночи.

— Ну теперь вся надежда на черта, — пробормотал он и неуклюже побежал, прижимая к груди драгоценный сверток, спотыкаясь и то и дело падая на песок, тут же спешащий забиться в нос, запорошить глаза.

Видимо, черт и вправду помогал ему, потому что темноволосый успел взобраться по тропинке на дюну, высоко поднимающуюся над морем, как раз за миг до того, как огромная волна со всей силы обрушилась на берег.

Человека обдало потоком воды, но все же он находился вне приделов досягаемости гнева Морского царя. Он был на суше, в безопасности.

— Ну что, съел?! — крикнул темноволосый, потрясая кулаком, в сторону моря. — Так я тебе и дался!

Море грохотало и бешено билось о берег, а мужчина, подняв мокрое лицо к небу, громко, словно сумасшедший смеялся.

— Я обманул тебя, глупец! Тебя и твою глупую дочь! Я надсмеялся над вами и получил желаемое! — орал он и снова смеялся.

Человек был так поглощен своей безумной радостью, что не заметил, как, полускрытая сенью ночи, к нему скользнула еще одна тень. Он оглянулся, когда было уже поздно, и принял нацеленный в живот удар копья с тем же удивлением, что отражалось в глазах убитой им девушки.

— Ты кто? — прохрипел темноволосый, вглядываясь в склонившуюся над ним тень.

При свете молний он смог разглядеть молодое, незнакомое ему лицо, прилипшие ко лбу светлые волосы и простую суконную одежду.

— Я тот, на чью землю ты пришел, пес-рыцарь, — ответил незнакомец, с трудом произнося немецкие слова. — Я тот, чей дом ты сжег. Я тот, чью семью ты убил. Я — твоя смерть.

А на море все бушевал шторм.

ГЛАВА 1. ЗАНИМАТЕЛЬНОЕ ЧТИВО

На море бушевал шторм. Корабль стонал, словно человек, страдающий от невыносимой боли. Да и не мудрено. Слово кости, трещала его палуба, обвисшей кожей трепались на свирепом ветру порванные паруса, а сломанные мачты походили на выступавшие из мертвого тела ребра. Корабль умирал и корчился в своей предсмертной муке. Буря терзала его, разрывала на части и, в то же время, никак не могла сдвинуть с места. Он застыл, словно накрепко привязанный к чему-то на дне добротной пеньковой веревкой, сплетенной лучшими Новгородскими мастерами.

Люди, сгрудившиеся на палубе, просоленные, усталые и сами едва живые, уже не пытались ни натягивать снасти, ни братья за весла. Теперь ни у кого из них не оставалось сомнений: сам Царь морской гневается на них и требует себе искупительную жертву.

Был среди людей высокий да статный купец в богатой, затканной золотым шитьем, одежде. На него и поглядывали сейчас остальные — кто с надеждой, кто с ненавистью.

— Садко-купец, — прошептал один из моряков, сплевывая на ходящую ходуном палубу. — Вот те крест, из-за него беду терпим! Давно ли он был в Новгороде последним, спасибо говорил, когда за столом чарку наливали, а теперь, как разбогател, зазнался, сам черт морской ему не брат!

Его товарищ, уже немолодой, с просмоленной жиденькой бородкой, быстро взглянул из-за плеча, не слышат ли, и покачал головой:

— Ты, Ярун-то потише. Морской царь головы требует, вот Садко-то твоей головушкой и расплатится.

— На чужом горбу в рай не въедешь, — снова сплюнул моряк. — Море — оно справедливость любит. Помяни мое слово, даром наш гусяр не отделается! Заплатит-таки гордец за всё, что с него причитается!

Словно в подтверждение его слов, корабль снова душераздирающе закрипел, будто завопили от боли и страхе сразу сотни глоток. Люди зашумели, еще сильнее заволновались. То тут, то там все яснее звучало страшное слово:

— Жертва! Жертва!

Словно шторм, нарастал людской гул.

Человек в расшитом кафтане медленно оглядел толпу. Его лицо блестело от морской воды, волосы прядями прилипли к высокому лбу, и все же чувствовалось в нем некое благородство, словно была на этом человеке особая печать.

— Жертву, говорите, надобно?! — спросил он зычным голосом, перекрывающим вой ветра. — Кто сказал «жертву»? Ну, подходи, кто смелый!

Молчит дружина, притихли матросы. Страшно пасть жертвой жестокой бури, но там, возможно, есть еще шанс спастись, а подвернуться под руку разгневанному Садко никто не хочет. Наконец, вышел из толпы один старичок. Идет качается, за снасти цепляется, еле-еле на ногах держится.

Предстал он перед купцом, поклонился и говорит:

— Не вели казнить, именитый гость¹, вели слово молвить! Стар я, нечего мне терять, а потому не боюсь уж твоего гнева. Разве не видишь сам, что осерчал на нас Морской царь. Не двигается наш корабль с места, сколько усилий ни прилагаем. Уж и вино в воду лили, и золото-серебро бросали — без толку. Хочет Владыка головы человеческой.

— Что же ты такое, пес паршивый, болтаешь! — поднял было Садко руку, чтобы проучить стоящего перед ним человека за дерзкие слова, да и опустил: не годится старца бить.

— Нужно кинуть жребий, — продолжал тем временем старик. — Чей жребий быстрее других утонет, тот в жертву Морскому царю и потребен.

— Отродясь ему не кланялся и кланяться не стану! — ответил Садко гордо, и в тот же миг в небе полыхнула молния, словно небесный карающий меч.

Забегали, заголосили люди, а старик упал на колени, ухватившись за полы златотканого кафтана.

— Пожалей, Садко, если не себя, то наших сыновей да жен, что на берегу дожидаются! Поклонись Морскому царю, чай не каменный, не развалишься.

Скрипнул зубами купец, да делать нечего.

— Ладно, — махнул он рукой, — бросим в море каждый свой жребий, и первым кинул в воду свою шапку.

Тут же пошла шапка ко дну, словно была сделана не из мягких невесомых шкур, а из тяжелого свинца.

Посмотрел Садко на это и покачал головой:

¹ Гость — значит богатый, уважаемый купец, торгующий с заморскими странами.